

Марина Белова

«Черная метка» для гуру

Глава 1

В это утро все было не так. Ночью почему-то снились священники. Не знаю, к худу это или к добру. Проснулась я в три. Ворочалась, думала, к чему такой сон, наконец-то заснула — и проспала! Обычно меня будит муж, но вчера он уехал в командировку. Позвонить, чтобы пожелать жене доброго утра, он, конечно же, не догадался.

Звонящая тишина резала уши. Я бросила беглый взгляд на часы, монотонно тикающие на прикроватной тумбочке, и ужаснулась — десять минут десятого! Туристическое агентство, коим я руковожу, открывается в девять. Бог с ним, с агентством, — хозяйка может и опоздать. Но Аня, моя дочь! Получается, что она опоздала в школу, а это кошмар. У нее на первом уроке контрольная. Ребенок вчера весь вечер провел в обнимку с учебником, заснул в двенадцатом часу ночи, напившись таблеток «Анти-стресс», а я ее не разбудила.

Словно ужаленная пчелой-камикадзе, я вскочила с постели и побежала в детскую будить Аню. Девочка мирно посапывала, положив под подушку учебник английского языка.

— Аня, мы проспали! — закричала я, тряся ребенка за плечо.

Через секунду к моему вою присоединился вопль Аняты.

— А-а-а! Почему ты меня не разбудила?! Теперь мне контрольную придется пересдавать в одиночестве. Все двадцать пять тем! О шпаргалках можно забыть! Что мне делать? Думай, мама, думай! Может, мне аппендикс вырезать? А что? Даше Ильиной вырезали. Она почти месяц в школу не ходила, ей даже ничего пересдавать не пришлось. Или у меня корь? Мама, я болела корью? Или лучше ветрянки? Или свинка?

Анина осведомленность в области детских инфекционных заболеваний поражала.

— Детка, но ты же не больна? — спросила я, опасаясь, как бы ребенок на нервной почве и впрямь не заболел.

— Кто сказал? — Аня подняла на меня полные ужаса глаза. — Пощупай мои ладони. Они холодные. Это ненормально. А еще у меня болит голова, зуб, уши и горло.

— А не слишком ли многое сразу? Это ты сейчас придумала? — Я коснулась ладонью ее лба. Он не был ни горячим, ни холодным. У ребенка была абсолютно нормальная температура. Для порядка я заглянула в Анин рот. Ангина также не

просматривалась. — Я, конечно, могу вызвать врача или отвезти тебя в больницу. Но ведь будет стыдно, если доктор назовет тебя симулянткой, — сказала я, стаскивая с Ани одеяло.

— Ах, почему у меня мама не врач? — пожаловалась Анюта, уже догадываясь, что дома ее никто не оставит. — У Вовы мама в больнице работает. У него всегда справка есть в кармане. О! — в ее глазах вспыхнула надежда. — А тетя Наташа?!

— Тетя Наташа — стоматолог. На ее именной печати написано: «Стоматологическая поликлиника № 1». Тебя раскусят в два счета, — предупредила я и, взглядевшись в ее влажные от набегающих слез глаза, предложила: — Давай сделаем так: я тебя отведу в школу и объясню учительнице, почему ты сегодня опоздала. Всю вину беру на себя. Идет?

— Идет, — неохотно согласилась Аня. — Но «проспала» не годится. По пути придумаем вескую причину, почему я опоздала. Например, у нас дверь заклинило, и мы не могли выйти из квартиры. Или у соседки был сердечный приступ, а я бегала в аптеку. Или...

— Одевайся, — поторопила я дочь. — Скажу, что во всем виновата я, без какого-либо объяснения. Не придет же учительнице в голову меня ругать?

В «Пилигриме» я появилась позже обычного, ближе к одиннадцати. Только переступила порог родного туристического агентства, как в нос ударил странный запах, удушливо сладковатый и вместе с тем очень знакомый.

— Чем это пахнет? — подумала я вслух, втягивая носом воздух.

— Дымом, — отозвалась секретарша Алена, не отрывая платка ото рта и кивая на дверь в мой кабинет, из-под которой сочился легкий дымок.

— Алена, мы горим?

Девушка, окутанная сизой дымкой, сидела как ни в чем не бывало на своем рабочем месте!

— Нет, — покачав головой, ответила она.

— Как же нет? Это самый настоящий пожар! Алена, черт возьми, что происходит? Почему ты спокойно сидишь, вместо того чтобы что-то делать? И где Алина?

— Алина Николаевна в кабинете. Просила не беспокоить.

— Что? — не поверила я. — Она сама тушит пожар? Или она решила устроить в моем кабинете акт самосожжения?

— Акт самосожжения? Надеюсь, до этого еще далеко. Сейчас она проходит первичный обряд самоочищения. поэтапно, так сказать, хочет постичь нирвану.

— Нирвану? — ужаснулась я. — Бред какой-то! Вот что значит чрезмерное увлечение новомодными течениями.

У моей подруги и компаньонки всегда в голове был ветер. Ладно бы легкий бриз, но иногда у нее сносит крышу ураганом. Она увлекается йогой, а недавно у нее поменялся инструктор, по-ихнему — гуру. Вместо слегка чудаковатого Эдика пришел решительный Артур. Что это за тип, я могла лишь догадываться. Алина настойчиво звала меня с собой, но я наотрез отказалась посещать его занятия, поскольку не любительница промывания мозгов.

Дело вот в чем: в перерывах между физическими фортелями Артур рассказывает группе об основных положениях брахманизма, религии, которая предшествовала буддизму, а также о самом буддизме. Я православная и в чужую веру переходить не собираюсь. Алина же, падкая до всего модного, летит туда, как мотылек на огонь. Поскольку занятия, как правило, проходят утром, в восемь — чтобы зарядиться энергией на целый день, — то одухотворенная и просветленная Алина проводит со мной ликбез сразу же по прибытии в «Пилигрим».

С ее слов я уже знаю, что такое буддизм и какая у буддиста высшая цель. Если кратко, то

важнейшим положением вероучения буддизма является идея тождества между бытием и страданием. Причина страдания заложена в самом человеке: это его жажда жизни, наслаждений, власти, богатства. Любое живое существо после смерти снова возрождается в виде нового живого существа (человека, животного, божества, духа). Следуя по пути спасения, указанному Буддой, живое существо должно снова и снова перевоплощаться, идя по пути восхождения к «высшей мудрости», достигнув которой существо сможет выйти из круговорота бытия. Высшая цель буддиста — полное прекращение перерождений и достижение нирваны, то есть небытия, вечного блаженства. Но для того чтобы достичь нирваны надо освободиться от жажды жизни, достичь такого состояния, при котором всякое чувство отсутствует, всякое желание подавлено. И это в наш век?! Когда вокруг столько соблазнов!

Артур поступил проще: он отступил от постулатов буддизма и вернулся к истокам брахманизма, то есть поменял «минус» на «плюс». Если буддисты всегда проповедовали, что все виды бытия — несчастья и зло, то брахманы утверждали: путем различных обрядов, жертв и заклинаний можно достичь хороших «перерождений», то есть стать раджей, богатым купцом, царем и т. д.

Согласитесь, значительно приятнее быть сытым, чем голодным, купаться в роскоши, чем ютиться в хижине. А для этого всего-то и надо, что произнести заклинание и попросить Артура провести обряд. Есть обряды — и в следующей жизни ты богат, как нефтяной магнат. Следующий этап — и ты королевский отпрыск. Ну а там и нирвана на горизонте — вечное блаженство.

— Говоришь, моя подруга уже одной ногой в нирване? Просила не беспокоить?

Я дернула дверную ручку на себя. Меня тут же окутало дымом. Всюду, где только можно, были воткнуты тлеющие палочки. Палочки чадили и источали приторно-сладкий дымок. Наконец-то я вспомнила, что наминал мне этот запах, — «Ароматы реки Ганг». Вот что!

Алина с блаженной улыбкой сидела на диване в позе «лотоса», вдыхая в себя удушливо сладкий дым. Руки ее покоились на коленях, взгляд обращен горе. Грудь едва вздымалась. Если бы не открытые глаза, я бы подумала, что она спит. Неожиданно она чихнула:

— Будь здорова, — пожелала я и добавила: — Хотя вряд ли тебе нужно здоровье.

— Это еще почему? — ожила она. — Почему я не могу быть здоровой?

— Потому что на том свете здоровье ни к

чему. Ты ведь туда стремишься? — с ехидцей спросила я.

— Нельзя ускорять земной путь, — строго изрекла она. — Я еще не готова к переходу к следующей жизни.

— Артур научил? — попыталась догадаться я.

— Ты мне мешаешь, — ушла от ответа Алина и вновь сосредоточилась, не выходя из позы лотоса.

— Ах вот как?! Я тебе мешаю. — Я хотела было обидеться — все-таки кабинет мой, — но, посмотрев на Алинино отрешенное лицо, заволновалась и заботливо предложила: — Слушай, давай, я отведу тебя к психиатру?

Алина будто меня и не слышала. Я подошла к окну и настежь распахнула форточку. Прохладный ветерок разогнал дым. Алина поежилась от холода.

— Психиатр мне не поможет, — голосом человека, который уже одной ногой не здесь, молвила Алина. — Моя карма безнадежно испорчена. Мне надо поехать в Индию. Только там я могу исправить положение и достичь нирваны.

— Понятно. Теперь все стало на свои места. — На душе вновь стало спокойно, когда я поняла, к чему она клонит. — Гуру тоже едет?

Месяц назад Алина уже поднимала вопрос о том, чтобы наше туристическое агентство открыло новый маршрут, в северные районы Индии. О

заснеженных горных вершинах, как я понимаю, Алина стала мечтать с подачи все того же Артура.

Тогда я смогла отговорить Алину от нерентабельной идеи. Слишком уж маршрут специфический: не берег моря, не горнолыжный курорт, условий никаких, сплошная борьба за выживание. Ни одна страховая компания не возьмется выписать вам страховой полис, а рисковать жизнями туристов я не буду ни при каких условиях и ни за какие деньги. Если Артур хочет ехать в дикие места, не возражаю, но только не с нашим агентством и без моей подруги.

— Что тебе понятно? — нормальным голосом спросила Алина. — И при чем здесь Артур?

— А при том, что вам обоим нужно лечиться. Но если тебе у психиатра, то ему в исправительно-трудовой колонии. Ты натура увлекающаяся: вчера тебя увлекали пирамиды племени майя, сегодня ты в буддизм ударилась. А он из тех типов, которые человеческими слабостями пользуется. И сколько вас, единомышленников, в Гималаи собралось? Скольким задурил голову твой гуру?

— Зря ты меня психиатром пугаешь, — обиделась Алина. — Если место в группе останется, с нами и психиатр поедет. В принципе, я ему место уже пообещала.

— Поверить не могу, чтобы нормальный

человек сам мог в такую авантюру ввязаться. Как пить дать, засланный казачок, — отмахнулась я от нее.

— А вот и нет! Да ты его знаешь.

— Не придумывай. Что-то не помню, чтобы я пользовалась услугами психиатра, — хмыкнула я.

— А и не говорю, что ты пользовалась его услугами. А вот он нашими услугами пользовался неоднократно.

— Только не говори, что это ... — Меня прошиб холодный пот. На ум пришла поговорка «Не поминай лихо»...

— Вот именно. Адольф Карлович Плошкин! — подсказала Алина.

— Только не он!

Ох уж этот Плошкин! Когда он в первый раз с агентством «Пилигрим» поехал в Африку на сафари, я думала, что просто собралась такая группа — любителей выпить и повеселиться. Чем закончилось та поездка страшно вспоминать. Нам с трудом удалось замять скандал и не лишиться лицензии. Вместо одной антилопы, отмеченной в договоре с принимающей стороной, наши туристы завалили полстада. А еще, начхав на сухой закон, провезли с собой в саванну по две бутылки водки на брата. Веселились до глубокой ночи, а когда проснулись, прослезились: вокруг на пятьдесят метров от лагеря были разбросаны обглоданные

кости убитых животных вперемешку с расстрелянными бутылками из-под горячительных напитков. Однако, кроме меня, Алины и русскоговорящего гида, все остались довольны, клялись нам, что в жизни нигде так хорошо не отдыхали и что если они поедут в отпуск, то только с агентством «Пилигрим».

И точно, спустя полгода к нам вновь пришел один из тех туристов. Звали его Адольф Карлович Плошкин. Алина очень обрадовалась, увидев старого знакомого, и предложила тур по островам Карибского моря. А почему нет? Солидный товарищ, профессор, специализируется в области психоанализа, своя клиника, правда маленькая, всего один кабинет, но клиенты весьма респектабельные люди.

Алина и в дальнейшем приближении не могла связать присутствие Плошкина в той злополучной группе с дебошем в саванне. Как же она ошибалась. Впоследствии оказалось, что именно Адольф Карлович стал заводилой во всех пьяных мероприятиях наших соотечественников на круизном судне. Именно ему принадлежала идея во время остановки на острове Ямайка перелить ямайский ром в бутылки из-под кока-колы и бесконтрольно внести на борт теплохода. Фишка была вот в чем. По законам судна, предоставляющего круизные услуги, вы можете

внести на борт определенное количество спиртного. Вам его опечатают и положат в камеру хранения, а при высадке в порту назначения вернут в целости и сохранности. Бизнес есть бизнес, ничего не поделаешь: если каждый будет пить свое, кто будет заказывать спиртное в барах и ресторанах?

А теперь представьте толпу людей, едва стоящих на ногах, которые возвращаются на борт теплохода после дегустации ямайского рома. И у каждого в руке по бутылке колы. Какие претензии? Жарко — пить всем хочется. Понюхать, что в бутылке? Это все равно что оскорбить пассажира. Как результат — в последующие дни в барах теплохода ни одного русского туриста. Зато на палубе фестиваль в лучших традициях русского застолья: песни, пляски и... драки. В одной из таких драк особо отличился Плошкин. Решив разобраться, когда закончится война в Ираке, он полез к американцу, мирно сидящему неподалеку в шезлонге и исподтишка наблюдающему за компанией русских. Американец оказался не из робкого десятка, завязалась дискуссия, завершившаяся сначала в кабинете помощника капитана, а потом распитием мировой в каюте Адольфа Карловича. Вот тогда-то и открылось нам истинное лицо Плошкина. Хорошо, что все случилось за день до окончания круиза, иначе Плошкина могли бы высадить в первом же порту, и

у меня была бы лишняя головная боль, как Адольфа Карловича транспортировать на родину.

— А чем тебе Плошкин не подходит? — спросила Алина, как будто речь шла о малознакомом человеке.

— Насколько мне известно, в рядах буддистов и брахманов не приветствуется распитие спиртных напитков, — вспомнила я. — Чтобы следующее перерождение было удачным, надо питать голову, а не желудок. А от спиртного вообще следует отказаться.

— А пьет кто?

— Да Плошкин твой! Не замечала? Как его жена терпит?

— Во-первых, он вдовец. А во-вторых, не так много он и пьет. Больше экспериментирует. Знаешь, на чем специализируется его клиника?

— Могу только догадываться! Муж деньги кует, а жена болеет бездельем. Вот он и вправляет мозги заживевшим от лени дамочкам.

— Ничего подобного! У Плошкина лечатся от алкоголизма, — огорошила меня Алина.

— Но ведь он не нарколог!

— Вообще-то он специалист широкого профиля. К тому же алкоголизм — болезнь не тела, а головы. Чем принято у нас в большинстве случаев стресс снимать?

— Я стресс водкой не снимаю, —

догадавшись, к чему она клонит, отрезала я.

— Это ты, а у других ни на что-то другое, кроме водки, фантазии не хватает.

— То-то Адольф Карлович у нас затейник! — фыркнула я, припомнив шалости пьяного психоаналитика.

— Прежде чем кого-то лечить, надо познать себя, — изрекла Алина, снисходительно посмотрев в мою сторону, и сменила тему: — Мы ведь своих туристов не везем в непроверенные места. И почему ты думаешь, что тур в северную Индию не будет пользоваться спросом? Горные вершины, девственная природа. Ты вспомни Николая Рериха, художник был без ума от этих мест. В Гималаях он черпал свое вдохновение.

Эпический Алинин порыв был прерван стуком в дверь. Алена просунула в щель голову и, стараясь не вдыхать в себя ароматы Ганга, сообщила:

— Тур в Гималаи спрашивают. Говорят, вчера видели в вечернем выпуске местных новостей рекламу нового маршрута. На вас, Алина Николаевна, ссылаются. Что мне людям отвечать? Да, еще Плошкин звонил, он готов деньги привезти.

— Что?! — я перевела взгляд на Алину. — Ты что же за моей спиной творишь? Алена, пусть клиенты подождут пару минут, я сама к ним выйду. Ну, Алина, теперь давай с тобой разбираться.

Алена от греха подальше захлопнула дверь. У

Алины забежали глаза, от недавней отрешенности от всего мирского не осталось и следа. Она опустила на пол ноги, поднялась с дивана и на всякий случай переместилась поближе к двери, чтобы при первой возможности дать деру.

— А что ты так волнуешься? — залепетала она, быстро смекнув, что настроение у меня ни к черту.

А как она хотела? Чтобы я шла на поводу у ее придурки? Не выйдет! Я еще с Артуром разберусь, что это за фрукт выискался. Вот прямо сейчас и разберусь. Сначала выслушаю Алину, узнаю степень задуренности ее мозгов, а после отправлюсь в спортивный клуб, где имеет несчастье проводить свои занятия Артур.

— Как видишь, я все сделала сама: все узнала, сделала финансовый расчет, подчитала планируемую прибыль, связалась с индийским посольством — в Индии всегда гостям рады, — заручилась поддержкой принимающей стороны, дала рекламу на городском канале. Да у меня и группа почти уже скомплектована, — Алина говорила скороговоркой, боялась, что я прерву ее, не дав высказаться.

— Скажите, пожалуйста, она заручилась поддержкой посольства, а моей поддержкой ты не подумала заручиться? Я вроде как не последний человек в агентстве, не мешало бы и меня спросить,

нужны ли «Пилигриму» Гималаи?

— Так ты же была против, — вспомнила Алина.

— Ага, значит, помнишь. И все равно решила сделать по-своему. Разреши полюбопытствовать, сколько человек набрала ты в группу и кто эти люди.

— В общей сложности двенадцать человек. Со мной и ... — Алина, закусив губу, с опаской посмотрела на меня.

— И Артуром? — закончила я за ней. — А Плошкин как попал в вашу компанию?

— Да не попал он еще. Я случайно встретила с ним в городе. Он мне пожаловался на усталость и плохое самочувствие. Сказал, что хотел бы все бросить и уединиться в какой-нибудь глуши, там, где его никто бы не побеспокоил своими проблемами. Ну, я ему и предложила рвануть с нами туда, где встретиться со снежным человеком шансов больше, чем с обычным гомо сапиенсом.

— Разумеется, — соглашаясь, я закивала головой, — если брать в расчет местных жителей. А вот что касается попугачиков, то им психиатр точно не помешает. Это ты хорошо придумала, — съязвила я. — А теперь скажи, Алина, как ты, образованная женщина, могла клюнуть на удочку Артура? Что он тебе такого пообещал, что ты вконец растеряла мозги? Лично в моей голове не

укладывается, на кой черт тебе сдался этот брахманизм.

— Да как ты не понимаешь: то, чему учит нас Артур, это философия жизни? Как я раньше жила?

— По-моему, неплохо: предпочитала дорогие курорты, красивые наряды, вкусную еду.

— Верно. Но я жила в страхе все это потерять. Я боялась проснуться нищей, больной, никому ненужной. А Артур снял с меня боязнь.

— Теперь ты не боишься ему отдать все.

— Если ты думаешь, что Артур — аферист, ты ошибаешься. Кроме платы за абонемент, я не передавала ему никаких денег. Он не знает, ни где я живу, ни где я работаю, ни какое у меня материальное положение. Марина, это святой человек!

— Знаю, я таких святых, — пробурчала я, а сама задумалась.

Алина не тот человек, который так просто отдаст кому-то свою кровную копейку. Во всяком случае, ранее я не замечала за ней излишней щедрости. Пожалуй, она даже скупой человек, но это только на руку нашему агентству, лучшего финансового директора не сыскать: выгоду чувствует за версту.

«С этим Артуром мне надо самой разобраться», — пришла я к такому выводу.

— Значит, так, Алина, на сегодня я тебя

отстраняю от дел. Чтобы ты от безделья не маялась, подготовь мне отчет по прошлой поездке.

— А как же клиенты? — она мотнула головой в сторону двери. — Они в Индию собрались ехать.

Я подошла к двери и приоткрыла ее ровно настолько, чтобы можно было увидеть, кто пришел в «Пилигрим». Рядом с Аленой стояла странная парочка: чрезвычайно худой и длинный парень и такая же почти прозрачная девица. У обоих были длинные русые волосы, расчесанные на прямой пробор. Одежда нарочито небрежная: девица в просторном, подчеркивающим ее худобу и не по погоде легком сарафане, парень в рваных джинсах и рубашке навыпуск.

Я подозвала к двери Алину:

— Твои единомышленники?

— Нет, в первый раз вижу. Наверное, они вчера блок рекламы смотрели. На хиппи похожи, — отметила Алина, всматриваясь в посетителей.

— Хиппи? Да о них уже все забыли. Шестидесятые-семидесятые канули в Лету. Сейчас у молодежи другие кумиры. Может, их родители и были приверженцами философии хиппи. Слушай, а твой Артур не из этих, ну, из запоздало хиппующих?

Алина пожала плечами.

— Ладно, сиди здесь, занимайся делом, а я пойду поговорю с этими...

Я вышла в зал обслуживания посетителей. Алена благодарно мне улыбнулась и представила клиентам:

— Это директор «Пилигрима», Марина Владимировна. Она вам скажет, везем мы наших туристов в Гималаи или нет.

Вблизи визитеры не выглядели столь юными, какими показались на первый взгляд. Пожалуй, им было за тридцать. У мужчины я заметила седые волосы на висках, а женщина и не пыталась замаскировать мимические морщины вокруг глаз. На ее лице вообще не было ни грамма косметики, даже на губах, которые слегка отсвечивали синевой.

— Вы бы хотели съездить в Гималаи? Я вынуждена вас разочаровать, наше туристическое агентство может вам предложить только отдых на берегу Индийского океана. Поездка в горы маршрутом не предусмотрена.

— Но как же так? — возмутился мужчина. — Мне сказали, что ваше агентство открывает новый маршрут — увлекательный и недорогой — в северную Индию.

— Молодой человек, о какой дешевизне можно говорить? Туда лететь только часов восемь. Один билет на самолет в копеечку влетит, извините за тавтологию, — вздохнула я, сканируя гостя с головы до пят. Не похоже, чтобы у этой парочки

водились деньжата. Хотя... Возможно, я и ошибалась.

— Я слышал, будет чартерный рейс, — настаивал мужчина.

«Что за чартерный рейс? Надо бы спросить у Алины, какой рейс она имела в виду», — подумала я и, зацепившись за эту мысль, сказала:

— Вот как раз с этим чартерным рейсом и вышла накладка. Свободных авиалайнеров не оказалось, и мы вынуждены отказаться от маршрута.

— Жаль, — неожиданно низким голосом протянула женщина. — Слетать в Индию — мечта нашей юности.

Когда речь зашла о мечте, мне стало их жалко. Мечту предавать нельзя. Может, они всю жизнь копили на эту поездку, на всем экономили, обрадовались заявленной Алиной дешевизне, а я вышла и все погубила.

«Нет, это не я. Это Блинова! Не надо было обнадеживать людей своим заявлением на местном телевидении. Вечно она впереди паровоза бежит», — я еще больше рассердилась на Алину.

— Знаете что, оставьте в агентстве ваши координаты, — после минутного раздумья сказала я. — Если что-то изменится, мы вас обязательно разыщем и внесем в список желающих слетать в Индию. Так вы непременно хотите увидеть

Гималаи? В Турции тоже можно полюбоваться на горы. А чем плох Кавказ?

— Нет, — замотала головой женщина. — Нам нужно только туда.

— Ну, как хотите, — пожала я плечами.

Мужчина протянул мне лист бумаги:

— Вот. По этому телефону вы можете нас найти.

Я прочитала бумажку. Мужчину звали Павлом Кротовым, женщину — Анастасией Зотовой. Я так и не поняла, были ли они мужем и женой: фамилии разные, а домашний телефон был указан один.

Глава 2

— Странная парочка, — сказала я, как только за Кротовым и Зотовой закрылась дверь.

Я подошла к окну. Павел и Анастасия вышли из «Пилигрима», сели в старенький «Запорожец». Автомобиль фыркнул, затрясся и медленно покатило по улице.

— Гималаи... — пробормотала я. — А может, и не надо крутых тачек, меховых манто, квартир с евроремонтом? Живут же люди без всего этого, о Гималаях мечтают, на стареньких развалюхах ездят.

— Вы о чем? — осторожно спросила Алена.

— Да так, о своем. Вот что, Алена, закажи

мне, пожалуйста, такси, — обратилась я к секретарше. — Мне надо съездить в одно место, а потом я отправлюсь на телевидение давать опровержение. Каждый раз краснеть перед посетителями у меня желания нет.

Последнюю фразу я намеренно произнесла на полтона громче, чтобы мои слова могла услышать и Алина, виновница сегодняшнего недоразумения.

Она и услышала.

— А сначала ты куда? — из кабинета выглянуло ее виноватое лицо.

— Хочу одного человека навестить, — ушла я от прямого ответа. На самом деле, перед тем как поехать на телевидение, я хотела встретиться с Артуром.

— Я могла бы тебя отвезти, — предложила Алина.

— Спасибо, Алина, вот это ни к чему. У тебя много работы. Алена, ты заказала мне такси?

— Да, — закивала головой девушка. — Через пять минут подъедет фирменная машина.

— Чудесно, подожду машину на улице.

Чтобы избежать дальнейших Алининых расспросов — я же видела, как ее распирало от любопытства, — я взяла сумку и вышла из «Пилигрима».

С Артуром, этим злополучным гуру, я знакома, само собой разумеется, не была, но

прекрасно знала, где его можно найти. Уже много лет Алина пользовалась услугами одного фитнес-центра под названием «Студия красоты тела». Вот туда я и собиралась съездить.

— Могу ли я чем-то вам помочь? — любезно спросила блондинка, встретившая меня на входе в фитнес-центр. На груди у девушки висела табличка: «Яна, администратор».

— Да, — с готовностью кивнула я головой. — В вашем центре занимаются йогой?

Ответ Яны меня слегка озадачил. Я предполагала услышать только положительный ответ. Два дня назад Алина пришла с тренировки с блаженно-счастливой улыбкой на губах, а сегодня эта девица мне нагло врет:

— К сожалению, сейчас в нашем центре не проводятся занятия по йоге.

— Как же так? Вчера моя подруга, кстати, она ваша постоянная клиентка, приглашала меня в «Студию красоты» заняться йогой, а сегодня вы говорите, что у вас нет таких групп.

Может, Алина сменила фитнес-центр? Да нет, она действительно не так давно приглашала меня присоединиться к их группе и неоднократно упоминала именно «Студию красоты тела». Должно быть, эта девушка только сегодня принята на работу и еще не в курсе дела. К тому же она блондинка, а об умственных способностях

блондинок ходят легенды.

— Увы, вчера было последнее занятие, — с сожалением констатировала Яна. — Два часа назад инструктор по йоге написал заявление об уходе.

— Артур? — уточнила я. Я все еще надеялась, что Яна меня не поняла и речь идет о другом инструкторе.

— Да, Артур Ковалев, — подтвердила она. — У нас только один Артур.

Тень разочарования пробежала по моему лицу. Ну и где мне этого Артура теперь искать?

Вероятно, я выглядела откровенно расстроенной, если Яна надо мной сжалилась и спросила:

— А вы только йогой хотели бы заниматься?

— Только, — потерянном голосом ответила я.

— У нас есть группы аэробики, степ-аэробики, тренажерный зал...

— Меня интересует только йога. Только. И только с Артуром Ковалевым. Мне надо с ним поговорить.

— Хорошо, — наклонившись ко мне, тихо, чтобы никто, кроме меня, не услышал, прошептала Яна. — Если бы он у нас работал, я ни за что не сказала бы его адрес. Но раз он уволился, воля ему вольная. Он живет через дорогу, в общежитии политехнического института.

— А разве он студент? — не смогла я скрыть

своего удивления. Помнится, мне Алина говорила, что Артуру тридцать с хвостиком. Конечно, учиться можно в любом возрасте...

— Нет, он не студент, — прервала поток моих мыслей Яна. — Ему просто разрешили там жить, наверное потому, что он подрабатывает на кафедре физической культуры, ведет несколько секций, одна из которых точно йога. Только не знаю, удобно ли вам будет ездить в спортзал политехнического института. Как-то Артур мне жаловался, что приходится ездить на другой конец города. Странно, да? Общежитие в центре, а корпуса на окраине?

— Я знаю, где находится спортзал института. А вы случайно номера комнаты не помните? Как мне Артура в общежитии найти?

— Номера не скажу, но найти его будет очень просто. Артур живет на первом этаже, его комната расположена в конце коридора, рядом с комнатой кастелянши.

Со словами «спасибо огромное» я выскочила из фитнес-центра и побежала через дорогу к общежитию.

— Стоять! — окликнула меня вахтерша, пресекая мою попытку пробраться на территорию политехнического института. — У нас не проходной двор. Куда разогналась, что, диарея накатила? Стой, говорю!

— Я? — застигнутая врасплох, я даже оглянулась. Неужели это обращаются ко мне, на «ты» и в такой оскорбительной форме? — Вы мне?

— А есть еще кто-то?

Тетка была права. Кроме меня и ее, в вестибюле общежития никого не было.

— Я иду к Артуру Ковалеву, ассистенту кафедры физической культуры. Провожать меня не надо, где он живет, я знаю, — гордо вздернув подбородок, отрапортовала я.

— А я не лакей, чтоб перед всеми двери открывать, — в тон мне ответила вахтерша. — Ты отметься, оставь документ и ступай, куда собралась. Порядок у нас такой.

«Мир меняется, а порядки в общежитиях какими были двадцать или тридцать лет назад, такими и остались», — вспомнила я о тех далеких временах, когда сама была студенткой. Потому спорить не стала и расписалась в журнале посещений.

— А залог?

— Какой залог?

— Паспорт или другой документ.

Я выложила на стол перед вахтершей свой паспорт.

— Теперь я могу идти?

— Иди, иди, — равнодушно разрешила тетка, после того как внимательно изучила каждую

страничку моего паспорта. А после добавила с улыбкой на губах: — Для начала бы спросила: «Он у себя?»»

— А он у себя?

Складывалось такое впечатление, что вахтерша издевается надо мной. Сначала потребовала у меня паспорт, я ей отдала документ. Она пять минут вертела его в руках, а теперь вдруг выясняется, что Артура может и не быть в комнате.

— Да у себя он, — отмахнулась от меня вахтерша, пряча мой паспорт в ящик стола.

— Развлекаетесь? — догадалась я. Оно и понятно. Полдня женщина проводит в одиночестве: студенты на лекциях, в вестибюле ни души. А тут я. Пообщаться надо же с кем-нибудь! — А я вам что, девочка, чтобы надо мной издеваться?! — я набрала в грудь больше воздуха, чтобы осадить противную вахтершу, и придала лицу значимое выражение: — Студентов стройте! Вы вообще знаете, с кем имеете дело?

Мой тон подействовал должным образом. Вахтерша пару раз моргнула глазами, вспомнила, что ее уже давно пытались отправить на пенсию, и потому вполне миролюбиво сказала:

— Да нет, я серьезно говорю, ступай. То есть, идите. У себя он. В десять утра пришел и больше не выходил.

Я чертыхнулась про себя, и без того плохое

настроение упало ниже плинтуса. В душе кипела злость и на Алину, и на вахтершу. Попадаются же такие тетки! Блеснуть юмором захотелось? Чтобы еще раз не сорваться, я резко развернулась и зашагала вглубь коридора.

— «Комендант общежития», «Медпункт», «Кладовая», — бормотала я себе под нос, читая таблички на дверях. — Кажется, мне сюда. Ну, Артур, берегись.

На дверь был наклеен тетрадный листок. «Ковалев А.Д». Я подняла руку и громко постучала.

— Артур, откройте. Я знаю, что вы дома.

Артур проигнорировал стук в дверь и мой гневный призыв добровольно сдаться. Я добавила децибелов: заколотила что есть силы и почти перешла на крик:

— Немедленно откройте!

Последнего удара дверь не выдержала, да она и не была заперта.

— Так-то лучше, — подзадорила я себя и решительно шагнула в комнату.

Переступив порог, я поискала глазами хозяина помещения. На диване, судя по очертаниям, лежал человек, укрывшись с головой клетчатым пледом.

— Пожалуйста, не делайте вид, будто спите! — громогласно заявила я. У меня и мысли не было, что после того трамтарарама кто-то может дрыхнуть. Разве только если он глухой.

Человек не пошевелился.

Раздосадованная таким невниманием к своей персоне, я подошла к дивану и дернула за край пледа.

Другой бы на моем месте вскрикнул, завопил от ужаса, но я не испугалась, более того, в первую минуту, когда я увидела торчащий из грудной клетки нож, подумала, что так и должно быть.

«Вот оно возмездие, — промелькнула в голове злорадная мысль, — за Алину, за всех тех, кому задурил Артур голову».

Когда же до меня дошло, что же все-таки произошло, мне стало дурно, к горлу подкатила тошнота, перехватило дыхание, парализовало конечности. Я не могла ни сдвинуться с места, ни отвести взгляд от рукоятки ножа.

Понемногу поле моего зрения стало расширяться. Я увидела картинку целиком. На диване лежал чрезвычайно худой человек, буквально кожа и кости, ну просто персонаж из документального фильма «Индийские йоги. Кто они?».

За первой мыслью о возмездии последовала вторая: «Не надо быть анатомом, чтобы попасть в сердце, минуя ребра. Господи, о чем это я? А может, он еще жив?». Преодолевая страх, я посмотрела мужчине в лицо. Встретившись с бессмысленным взглядом покойника, я завизжала:

— Труп! — и бросилась вон из комнаты.

Как бежала, не помню. Очнулась лишь у стола вахтерши, когда та меня окликнула:

— А паспорт?

— Какой паспорт? Чей паспорт? — надо признаться, в этот момент я соображала туго.

— Да что случилось? На вас лица нет, — отметила вахтерша. — Вам плохо, что ли?

— Мне? В сравнении с Артуром мне хорошо, даже очень, — и тут я заревела в голос.

У меня началась самая настоящая истерика. Вахтерша попыталась напоить меня водой, с подмешанными в нее сердечными каплями, но зубы так били о край стакана, что вода вся вылилась на мой костюм.

— Вызовите полицию, — с трудом удалось мне сказать. — Там, там Артура убили, — выдавила я из себя и опять заплакала.

Не знаю, что на меня накатило. Обычно я не впадаю в ступор, заведев покойника, и не даю воли слезам. Кто мне Артур? Никто! Я шла к нему, чтобы выяснить, чего он хочет от Алины, и попросить, нет, потребовать, чтобы он оставил в покое мою подругу и нашел другую дойную корову.

Но, если судить по быту, Артур жил более чем скромно, хапугой и аферистом не был. Может, я ощущаю комплекс вины перед покойным? Я думала

о нем плохо, а оказалось...

Да что, собственно, оказалось? Его убили, значит, было за что. Праведников ножом в сердце не убивают. Можно случайно попасть под машину, нарваться на шальную пулю, кирпич на голову может свалиться, в конце концов, но чтобы кто-то случайно зашел в комнату и убил хозяина в его собственной постели — такого не бывает.

Глава 3

— Кто нашел труп? Она? — знакомый голос вывел меня из прострации.

Я подняла глаза и увидела перед собой майора Воронкова. Наверное, сам бог послал мне майора! С Сергеем Петровичем Воронковым я знакома много лет. Можно даже сказать, что мы дружим: он, я и Алина.

«Он столько раз нас выручал», — вспомнила я.

Но почему он на меня так строго смотрит? Во взгляде ни капли сострадания. Впрочем, могу догадываться почему. Я нашла труп — на меня и стрелки. Хорошо, что свой человек приехал. Уж он-то не будет на меня вешать убийство Артура.

— Вы нашли труп? — официально спросил майор.

«Понятно, сейчас будет делать вид, будто мы

незнакомы. Неужели все так серьезно?» — подумала я.

— Я.

— Она, — подтвердила вахтерша. — Вот ее паспорт.

— Клюквина Марина Владимировна, — прочитал Воронков.

А то он не знает!

— Она хотела без документа в общежитие пройти, но я проявила бдительность и документ изъяла, — продолжала отчитываться перед майором вахтерша. — У нас так положено. А потом она хотела убежать, но я ее задержала и вызвала полицию.

«Что она мелет?» — круглыми от возмущения глазами я посмотрела на женщину. С ее слов выходило, что именно я отправила на тот свет Артура.

— А вы сами убитого видели, Елизавета Андреевна? — спросил Воронков.

«Ее зовут Елизаветой Андреевной. Ну и дрянь же вы, Елизавета Андреевна», — мысленно возмутилась я.

— А? Нет, в комнате убитого я не была, — отрицательно покачала головой вахтерша. — Кто бы ее тогда сторожил? — она кивнула в мою сторону.

— Что ж, пойдемте, опознаете убитого, —

сказал Воронков.

— Я не пойду, — решительно отказалась я. — Мне нехорошо. Я до сих пор под впечатлением. Моя нервная система может дать сбой. Тем более что я не была знакома с убитым.

В глазах Воронкова промелькнуло удивление.

— Зачем тогда к нему ходили?

— Я вам позже объясню. Можно? — жалобно попросила я.

— Ладно. Если вам нехорошо, оставайтесь. Мы вас опросим позже.

— А не сбежит? — засомневалась Елизавета Андреевна. — Может, к ней канвой приставить?

— Да вы что! — я гневно посмотрела на вахтершу.

— Не сбежит, — заверил ее Воронков. — У меня ее паспорт. По прописке найдем.

«По прописке найдем, — повторила я про себя. — А вы, Сергей Петрович, не знаете, где я живу?!»

Воронков не один раз был у меня дома, знаком с моим мужем Олегом и дочкой Аней, знает и других моих родственников. Откуда этот тон? В эти минуты мне стало так обидно: я в таком состоянии, а он Ваньку валяет, разыгрывает из себя постороннего, как будто и впрямь может думать, что я каким-то боком причастна к убийству Артура.

— А знаете что, мне тоже интересно

посмотреть на убитого, — я упрямо мотнула головой и направилась к комнате Артура.

Стоило мне сделать несколько шагов, как я отчетливо услышала за спиной противный голос Елизаветы Андреевны:

— Преступника всегда тянет на место преступления.

— Я бы попросил вас не делать преждевременных выводов, — вступился за меня Воронков. Что ж, хоть за это ему спасибо.

Я подошла к двери и остановилась, пропуская вперед себя Воронкова и двух его коллег.

— Я только плед с него сдернула. Больше ни к чему не прикасалась, — поторопилась известить я, когда полицейские проходили мимо меня.

— Проверим, — сказал один из коллег Воронкова, по-видимому, судмедэксперт. — Отпечатки пальцев у всех возьмем.

— И у меня тоже? — спросила Елизавета Андреевна.

— У всех, — подтвердил тот. — Вдруг вы до прихода свидетельницы тоже заходили в комнату.

— Я? Да никогда! То есть я хотела сказать, что я со своего поста никуда не отлучалась. Как Артур возвращался, я видела, потом вот эта дамочка пришла, — неожиданно стала оправдываться вахтерша.

— А еще кто-нибудь входил-выходил из

общезития в этот промежуток времени? — поинтересовался Воронков.

— Ой, да всех и не упомнишь! — вздохнула вахтерша. — Многие студенты только ко второй паре просыпаются. Чтобы успеть, им надо в одиннадцатом часу выйти. Артур зашел, — стала вспоминать Елизавета Андреевна, — и они все повалили, толпой.

— Понятно. Что ж, давайте пройдем. Это хозяин комнаты?

С того момента, как я пулей вылетела из комнаты, здесь ничего не изменилось, в том смысле, что труп все так же лежал на диване, наполовину прикрытый клетчатым пледом, и из его груди торчала рукоятка ножа.

Елизавета Андреевна на цыпочках подошла к дивану и, близоруко шурясь, наклонилась над телом:

— Он это! Артур Ковалев, — после минутного созерцания бездыханного тела сообщила она.

— Не ошибаетесь? Вы его хорошо знали? — спросил Воронков.

— Я? Как сказать... А вы вообще что имеете в виду?

— По протоколу я должен уточнить, не ошибаетесь ли вы, не путаете Артура Ковалева с кем-то другим, — терпеливо пояснил Сергей

Петрович.

— А-а, — протянула Елизавета Андреевна, — нет, не путаю. Он, Артур Ковалев. Он один был такой худой на все общежитие. Каждое утро, в любую походу, в трусах и босиком он выбегал на зарядку. Разве эти ребра с чьими-то спутаешь? Я, как в первый раз такой страх увидела, часа два в себя прийти не могла. Думала, больной он или от безденежья недоедает. Жалко до слез стало. Наутро пирожков испекла с яйцом, к нему пошла, чтобы угостить. А он поблагодарил, но принять отказался. Сказал, что не ест ни мяса, ни молочного. Только овощи употребляет. Как же он себя назвал? Погодите, дайте вспомнить.

— Вегетарианец? — подсказал Воронков.

— Да нет, вегетарианцы молоко пьют и сметану едят.

— Веган, — догадалась я. Те действительно не едят ни само мясо, ни продукты животноводства — молоко, яйца, животные жиры.

— Вот-вот, — закивала головой Елизавета Андреевна. — Я как раз его застала за завтраком. Морковка, свекла, капуста — все сырое. Откуда ж у него жир возьмется, если он одну траву ест? Так что не сомневайтесь — он это, Артур Ковалев.

— Спасибо, — Воронков поблагодарил вахтершу за информацию, — можете идти на свое рабочее место, а я побеседую со свидетельницей, —

он раскрыл мой паспорт и сделал вид, будто читает: — Клюквина Марина Владимировна.

В ответ я заскрежетала зубами. Ну как же, в первый раз меня видит!

Вахтерша затрясла головой, мол, с кем-кем, а с ней не мешало бы разобраться, и, пятясь, выползла из комнаты.

— Итак, каким ветром вас занесло в эту общагу? — вызывающе нагло спросил Воронков и, не дав ответить, принялся меня отчитывать: — Да сколько это будет продолжаться? Приезжая на место преступления, прежде всего я оглядываюсь: а не прячутся ли где-то неподалеку в кустах Клюквина и Блинова, любительницы вляпаться в очередную историю? Не нашли ли эти дамочки себе на радость очередной труп? Не взялись ли они за новое расследование? Вы знаете, я вас уже боюсь, — признался он. — Вы мне в страшном сне снитесь. Будь проклят тот день, когда я познакомился с вами и вашей подругой. Отмотать бы время назад, все бы сделал, чтобы избежать знакомства с вами, вплоть до того, что уехал бы из этого города. И дернул же меня черт остаться здесь! Предлагали хорошее место в соседней области, нет, захотелось быть ближе к столице.

Я слушала Воронкова вполуха. В чем-то он, конечно, прав: в истории мы с Алиной попадаем регулярно. Сама не знаю, почему. Наверное, у нас

такое земное предназначение — путаться у полиции под ногами. Но если все происходит, так сказать, вопреки нашему желанию — мы хотим как лучше, а получается хуже не придумаешь, — то, наоборот, нам надо посочувствовать, пожалеть, а не орать, да еще при посторонних.

Я искоса посмотрела на коллег Воронкова. Парни словно присутствовали на спектакле, с интересом следили за развитием сюжета: то ехидно улыбались, то хватались за головы, сочувствуя явно не мне.

— Быстро выкладывайте, зачем вам понадобился покойник, — потребовал Воронков, устав орать на меня.

«Тихо-то как», — отметила я, когда он замолчал.

— Да не нужен мне был покойник. Я просто пришла с ним поговорить, — ответила я, изображая из себя невинную овцу.

— Поговорить? С покойником? — спросил Воронков.

«Вконец заработался майор, — подметила я. — Несет всякую чушь».

— Сергей Петрович, ну я же не парапсихолог. Я в контакт с мертвецами не вхожу. Конечно же, мне нужен был живой Артур Ковалев, — вздохнула я. — Но я опоздала, когда я пришла, он уже был мертв.

— Вот как. А зачем вам понадобился живой Артур Ковалев?

— Видите ли, из-за него потеряла голову моя подруга, Алина Блинова.

— Знаю такую. Но она вроде замужем? Я считал, что у нее крепкая семья.

— Так и есть, она не собиралась разводиться с Вадимом. Она собиралась отправиться с Артуром в Гималаи.

— В духе вашей подруги. «Отпустите меня в Гималаи», — неожиданно весело запел Воронков, и я подумала, что он точно тронулся умом. При покойнике распевать эстрадные шлягеры — на что это похоже? Только на умственное помешательство. Впрочем, работники полиции особые люди, и юмор у них особенный.

— Прекратите, — одернула я Воронкова. — Постыдитесь покойника.

— Ладно, — согласился он, — тогда рассказывайте, во что вляпалась ваша подруга. Чем таким занимался Ковалев, если его пришили ножом к дивану?

— Он вел занятия по йоге в фитнес-центре «Студия красивого тела».

— Это у него красивое тело? — усомнился Воронков, глядя на покойного.

— Не перебивайте меня, пожалуйста. Алина занималась под руководством Артура. Думаю, под

его влиянием она, начав на мое мнение, дала объявление о наборе группы, отбывающей в Гималаи. Сегодня я узнала об ее выходке и решила разобраться с Ковалевым.

— Все-таки решили разобраться? — поймал меня на слове майор.

— Вы меня неправильно поняли. Я хотела с ним поговорить, в крайнем случае пригрозить: если он не отстанет от моей подруги, я пожалуюсь в полицию. Пришла в фитнес-центр, а там мне сказали, что Артур уволился, подсказали адрес. И вот я здесь... — печальный вздох вырвался из моей груди.

Я перехватила холодный взгляд Воронкова, от которого мне стало не по себе. Майор смотрел почему-то не в глаза, а на мой лоб, как будто хотел просверлить его невидимым буром, проникнуть под черепную коробку и прочитать мои мысли, правду я говорю или вру.

— Я говорю правду, честное слово, — поторопилась заверить я.

Ну как мне можно было не поверить? Взгляд Воронкова оттаял.

— Ладно, идите и успокойтесь. Может, вас отвезти? — предложил он.

Понимая, что он освободится не скоро, я отказалась.

— Нет, лучше пройдусь.

— Хорошо, — кивнул головой Сергей Петрович. — Я потом заеду к вам, поговорю с Алиной Николаевной. Где вы говорите, работал покойный?

— Через дорогу, в «Студии красивого тела».

Глава 4

Воронков меня отпустил с миром, даже не взял подписку о невыезде. Обрадованная таким доверием, я чуть было не ляпнула, что с места не сдвинулась, пока не вычислю убийцу Артура. Хорошо, что в последнюю минуту я сообразила прикусить язык. Скажи я так, Воронков засадил бы меня за решетку — и в интересах дела, и в целях моей же безопасности.

Я вышла из комнаты, оставив Воронкова и его коллег собирать улики. Проходя мимо вахтерши, не удержалась, чтобы ей не сказать:

— Елизавета Андреевна, а меня оправдали. Эксперты сказали, что Ковалева убили не позже чем за час до моего появления в общежитии, — приврала я. Ничего подобного при мне коллеги Воронкова не говорили. — У меня и алиби имеется. Заходя в общежитие, я в вашем журнале время проставила. А вот вы что делали в это время?

— В какое время? — испугано спросила вахтерша.

— С момента прихода Ковалева и до моего появления в общежитии.

— Так здесь я за столом и сидела.

— Кто проходил, выходил, заходил? — Я угрожающе нависла над столом вахтерши. — Показывайте ваш журнал!

Елизавета Андреевна покорно вытянула из ящика стола журнал и положила его передо мной.

Увы, в промежутке между десятью и часом в журнале была записана только моя фамилия.

— Не поняла, что, больше никто в общежитие не заходил?

— Из чужих — нет, — промямлила вахтерша с некоторой неуверенностью в голосе.

«Быть того не может, — подумала я, сверху вниз глядя на Елизавету Андреевну. Вахтерша сжалась под моим тяжелым взглядом и часто заморгала. В поле моего зрения попал журнал с недельной телевизионной программой, лежавший в открытом виде на столе. — Ага, вот оно в чем дело! Утренний просмотр сериалов».

И действительно, в углу, за спиной Елизаветы Андреевны, я увидела телевизор. Чтобы посмотреть фильм, ей надо было развернуться на сто восемьдесят градусов, то есть спиной к двери. Следовательно, свидетель она никакой.

— А как вы могли видеть, кто входил, если в это время телевизор смотрели! — обвинила я

вахтершу в должностном нарушении.

— Я?

— Вы. Трудно даже представить, чтобы в общежитие три часа никто не входил и не выходил.

— Только свои, — уперто твердила тетка.

— А это что? — я ткнула пальцем в журнал, в котором шариковой ручкой были отмечены наиболее интересные передачи и сериалы.

— Нет, вот если бы кто-то чужой зашел в общежитие, он бы меня спросил, где живет тот-то и тот-то, — стояла на своем Елизавета Андреевна.

— Какая наивность! Убийца тоже? В журнал записался и визитную карточку подарил. Да?

— Ну, я не знаю. А что, дочка, меня за это с работы могут уволить? — заволновалась Елизавета Андреевна.

— Это не в моей компетенции, — не стала я обнадеживать вахтершу и вышла из общежития.

Теперь мне предстояло сообщить Алине о смерти ее гуру. Конечно, Артур не был ей родственником или таким уж близким человеком, чтобы, услышав весть о его кончине, она начала рвать на себе волосы. И все же, успокаивая себя этой мыслью, я шла в сторону «Пилигрима» и волновалась, как Алина воспримет мои слова. Не сообщить ей о происшествии я не могла. Не исключено, что Воронков тоже появится сегодня в туристическом агентстве. Уж лучше мне

поговорить с Алиной до его прихода. Менты — народ не деликатный, еще скажет так, что мне придется вызывать «Скорую». А я подружку подготовлю: валерьяночки накапаю, напомним, что физическая смерть не что иное, как дверь в следующую жизнь, что пока мы по Артуру скорбим, его душа ищет новую физическую оболочку и его новое перерождение будет лучше и удачнее прежнего.

Я и слова придумала, с которых начну, и валерьянки по пути купила, но весь мой сценарий утешения Алины полетел в тартарары. В «Пилигриме» на диване для гостей сидел Плошкин Адольф Карлович.

«Только его в эту минуту здесь не хватало. Как бы от него поскорее избавиться?» — с досадой подумала я.

По правую сторону от Плошкина сидела Алина. Закатив глаза к потолку, она жаловалась на жизнь. На мой приход никто не отреагировал, возможно, его просто не заметили. Даже Алена не повернулась в мою сторону. Она готовила для гостя кофе и одним ухом прислушивалась к разговору.

— Хочется глотка свежего воздуха, кручусь как белка в колесе, на мне столько всего навешано, — причитала Алина. — Я устала, устала, устала... Нужно остановиться, все переосмыслить, разобраться, что в жизни главное, а что

второстепенное.

Плошкин ее успокаивал. Он поглаживал тыльную сторону ее ладони и тоже смотрел в потолок, пытаясь понять, что она там увидела. Потолок был бел и чист. Скорее всего, моя подруга была в образе такой кающейся Магдалины, которая всю жизнь грешила, а теперь одумалась и решила всю себя посвятить богу...

— Алиночка Николаевна, очень хорошо вас понимаю. Мой вам совет: нужно научиться расслабляться, сбрасывать с себя негатив, искать единения с природой. Обязательно исключить из окружения неприятных людей, которые давят на вас, навязывают свое мнение. Надо бороться за свое Я.

— Как же! Поборешься! — воскликнула Алина. — Там тоже свое Я. Категоричное, безоговорочное, беспрекословное. Шаг в сторону от принятого плана приравнивается к побегу и карается расстрелом.

«Это она обо мне, — догадалась я. — Я успокаивать ее собралась, а она так обо мне. Неблагодарная».

— Алина, вижу, вы сейчас находитесь в состоянии жуткой подавленности. Как факт, вы потеряли способность отстаивать свою индивидуальность и быть собой. Вы пасуете перед человеком, который вас обезличивает, хочет

подмять под себя. Справедливо ли? У каждого индивидуума свой жизненный путь, на то он и индивидуум.

«Интересно, он хоть сам понял, что сказал? Это я, что ли, ее обезличиваю? Ее обезличишь! Она мусор из дома выносит при полном параде. Люди, которые в первый раз нас видят, как правило, считают, что директор агентства она, а я ее заместитель или того хуже — секретарь», — мысленно возмутилась я.

— Рвите сети, опутывающие вас, — начал давать советы Плошкин. — Вам не хватает смелости и решимости? Я могу вам помочь. Вам надо побывать у меня на семинарах аутотренинга. Я научу вас приемам ведения психологического боя и тому, как защитить свою астральную оболочку от чужеродного вторжения. Беру недорого. Могу обменять по бартеру свои услуги на услуги вашего туристического агентства, — перешел к делу Адольф Карлович.

— Вот с этого и надо было начинать, — пробормотала я себе под нос.

— Помнится, вы что-то говорили о том, что намечается поездка в Гималаи?

— Ах, Адольф Карлович, не знаю, что вам и сказать. Состоится ли эта поездка или нет, не знаю, — Алина прикрыла ладонями лицо и театрально затрясла головой. — Не знаю, теперь от

меня мало что зависит.

— Как же так?! Как от вас ничего не зависит? Вы же финансовый директор прибыльного предприятия! — напомнил ей Плошкин.

— И что с того? Ах, Адольф Карлович, я тоже надеялась на эту поездку. Собиралась впитать в себя священную энергию гор, вдохнуть хрустальный воздух, испить воду, струящуюся с небес. Я хотела отдохнуть сама, набраться сил и оздоровить наших клиентов, но, видно, судьбу вершат черные силы. Мне запретили заниматься этим проектом. И кто запретил? Человек, которого я считала подругой и сестрой по духу.

— Неужели?! — Плошкин всплеснул руками. — Как? Марина Владимировна не понимает оздоровительной важности проекта? Я бы закрыл все прочие, оставил только один. Этот!

— Как бы не так! — не удержалась я и вышла из тени.

Алина смутилась и отвела глаза в сторону. В расчете на то, что я вошла минуту назад, Плошкин сделал вид, будто ничего не говорил.

— Марина Владимировна, рад вас видеть, — он встал с дивана и с распростертыми руками пошел мне навстречу. — Прекрасно выглядите. Целую ваши ручки. Вот пришел к вам, чтобы добровольно сдать. Отправьте меня туда, где Макар телят не пас.

— Где ж это? — ухмыльнулась я. — Обычно мы не практикуем отдых на необитаемых островах, но для вас...

— Необитаемый остров? Море? Бескрайние пляжи? Пальмы? — он сморщил нос. — Если бы мне сбросить лет этак двадцать, поехал бы! Клянусь! Нашел бы себе на острове Пятницу, а также Среду и Субботу и жил бы припеваючи в окружении красоток-аборигенок. Но я стар, и мне о душе пора подумать, — Адольф Карлович скроил благочестивое выражение лица. — А есть ли у вас что-то такое, поближе к небесам?

— Нет, — отрезала я без объяснения причины. О, как у меня зудел язык сказать: «Пансионат рядом с крематорием», но я удержалась.

— А мне Алиночка сказала, будто вы набираете группу в Гималаи. Нет, если эта поездка будет исключительно для альпинистов я, конечно, не поеду. Старый уже. Но мне кажется, альпинисты сами по себе ездят. А мы так, можем и под горой постоять, полюбоваться заснеженными вершинами, послушать легенды о снежном человеке, посетить пару буддистских монастырей. Слышал, на Западе весьма модно искать вдохновения в тех краях, под крышей мира.

— Увы, Адольф Карлович, еще раз повторяю, мы не везем туристов в Гималаи. Если вам не подойдет ни какой другой маршрут, отмеченный в

нашем каталоге, вы можете поискать вдохновение с другой туристической фирмой, мы в обиде не будем, — казенным языком отказала я Плошкину.

Адольф Карлович пожал плечами:

— Вижу, вы не в духе, Марина Владимировна. У вас проблемы? — спросил он и тут же добавил: — Вы хотите поговорить об этом?

Я не стала отвечать. Проблемы, конечно, были налицо, да еще какие, но при Плошкине говорить о них не хотелось, пусть лучше думает, что я встала не с той ноги.

— Я зайду позже, — не дождавшись моего ответа, пообещал Адольф Карлович и, переминаясь с ноги на ногу, добавил: — Ваше туристическое агентство меня полностью устраивает и ни на какое другое я его менять не собираюсь.

Должно быть, своим признанием он хотел поднять мне настроение, но меня не разжалобила его явная лесть — таких агентств, как наше, пруд пруди. А посему я лишь кивнула головой, подразумевая скорое прощание.

— Всего доброго.

— И вам того же.

— Подождите, Адольф Карлович, — остановила его Алина. — Вы ведь хотели отдохнуть? Есть горящая путевка. Один наш клиент отказался ехать по семейным обстоятельствам. Решайтесь. Поднебесная империя. Китай. Там тоже

есть горы, монастыри. Ну, как?

— Идет!

— Тогда вылет через два дня. Оставляйте документы и деньги. Нет, только деньги. Копии вашего паспорта у нас есть, а с оригиналом вы поезжайте в кассы авиакомпании. Скажете, что от нас. Там на вас билет перерегистрируют и сразу отдадут на руки.

Как только за Плошкиным закрылась дверь, Алина взвизгнула от негодования:

— Ты что?! Адольф Карлович — перспективный клиент. Зачем ты хотела его отшить? Не хочешь в Гималаи — пошли его в Альпы, в Крым, в Китай, наконец. Что-то я тебя в последнее время не понимаю. Сама говорила, что мы работаем для всех, для нас дорог всякий, кто переступил порог нашего агентства. Для наших клиентов мы будем искать новые маршруты, организовывать интересные поездки, поднимать культуру. И цены у нас не в пример другим агентствам более чем лояльные, и маршруты интересные. Да все у нас лучше! А ты, похоже, забыла, как мы начинали с нуля. Как по кирпичику строили добрую и честную репутацию. Забыла о своих обещаниях? Но жизнь не прощает подлости. Марина, ты рубишь сук, на котором сидишь! — Алина пыхтела, как паровая турбина, набирающая обороты. Каждая ее последующая фраза была

смелее и громче предыдущей. Я в который раз удивилась ее способности все перевернуть с ног на голову, вывернуть наизнанку. Оказывается, я не забочусь о клиентах! Еще минуту и она договорится до того, что я вообще не рада клиентам, что они мне ненавистны, как осенние мухи, и в моих планах поставить на «Пилигриме» жирный крест.

Алина меня не разочаровала:

— Ты хочешь распрощаться с «Пилигримом»? — с вызовом спросила она.

Я умею читать ее мысли! Мои губы изогнулись в подобие улыбки. Пора было прекратить несанкционированный митинг:

— Алина, успокойся. Наше агентство действительно лучшее, и я не собираюсь от него отказываться. Я все помню и ничего не забыла. Это наше с тобой детище. Твое и мое в равной степени, — сказала я. К слову, идея открыть туристическое агентство исходила от Алины, и я ни на минуту об этом не забывала. А вот финансовая часть проекта была обеспечена мной, и потому официальной владелицей «Пилигрима» являюсь я. — Но в Гималаи мы не поедem, — тихо добавила я. В свой голос я вложила столько грусти, что Алина должна была сразу догадаться: случилась беда. — Боюсь, что тебе в ближайшее время вообще придется отказаться от зарубежных

поездок, — к грусти в голосе, к тоске в глазах я добавила еще тяжелый затяжной вздох. Должно было сработать.

— Что? Ты меня увольняешь? — Алина восприняла мой мрачный тон по-своему.

— Да ты что! Без тебя «Пилигрим» потонет в море бизнеса, словно льдинами зажатый со всех сторон алчными конкурентами.

— Ты лишаешь меня поездок за границу? Это наказание? За то, что я без твоего ведома запустила рекламу нового проекта?

— Нет, просто майор Воронков может взять с тебя подписку о невыезде. Впрочем, с меня он тоже, скорей всего, возьмет подписку.

— А Воронков здесь при чем? Ему-то какой смысл нас отговаривать от поездки? — опешила Алина. — С чего такие хлопоты? Признайся, с твоей подачи такая забота со стороны Воронкова? Волнуется, что нас лавиной накроет? Польщена. Признаться, я думала, что Воронков спит и видит, как от нас избавиться. Однако он изобретателен. Подписки о невыезде... Может, ты мне расскажешь, как тебе пришло в голову перетащить на свою сторону майора?

— Алина, я не ездила к майору. Мы встретились случайно. Так получилось. Он сам очень удивился, то есть совсем даже не удивился. Ну, ты знаешь, как ведет себя Воронков, когда мы

случайно встречаемся, — замялась я.

— Где мы встречаемся? — спросила Алина, пристально меня разглядывая.

По всей вероятности, выглядела я в эту минуту весьма странно: слова путались, глаза бегали. Я никак не могла собраться с духом и сообщить Алине о смерти Артура.

— Ну, когда мы кого-то находим, а потом вызываем полицию.

— И кого ты нашла? — нахмурилась Алина.

— Ты только успокойся и не принимай близко к сердцу его смерть. Возможно, все не так трагично, наоборот, за него можно порадоваться: закончив свой жизненный путь, нескончаемую цепь перерождений, он достиг нирваны, — я сама понимала, какую несущую, но в эту минуту мне казалось, что именно на религиозной волне Алине будет легче принять утрату. — А мы, оставшиеся в этой жизни, будем помнить о нем и... грустить, глядя на небо.

Алина округлила глаза и положила руку на левую сторону груди.

— Алена, неси валидол! — крикнула я секретарше и метнулась к Алине. — Тебе плохо? Может, «Скорую»?

— Санька? Вадим? — прохрипела Алина, сползая по спинке дивана. — Что с ними?

Тут я поняла, какую ошибку совершила.

Несмотря на частые завихрения в голове, Алина нормальная женщина, которая в минуту опасности расставляет правильные приоритеты: сначала ребенок, потом муж, потом все остальные.

— Алина, с ними все в порядке.

— Тогда кто? — ее рука упала с груди и безвольно вытянулась вдоль тела.

— Артур, — выдохнула я. — Я шла к нему поговорить, а он... Так вышло.

— Что вышло? Ты его убила, чтобы мы не поехали в Гималаи?

— А это на меня похоже? — я поверить не могла, что ей придет в голову обвинить в смерти Артура меня.

— Не ты? — Алина подняла на меня полные слез глаза. — Зачем же тогда ты пошла к нему?

— Я же сказала, поговорить. Мне показалось, что он тебе морочит голову.

— Где ты его нашла? В фитнес-центре?

— Нет, сегодня утром он уволился с работы. Оказывается, он жил в общежитии, через дорогу. Я нашла его в комнате лежащим на диване с ножом в груди.

— Ты вызвала Воронкова?

— Нет. Вахтерша набрала «02». Приехал он. Для меня самой его появление стало неожиданностью.

— А смерть Артура — нет? — съязвила

Алина.

— Ну, знаешь! Я не сторонница крайних мер. Если бы я знала наверняка, что Артур аферист, я бы раскрутила это дело — вывела его на чистую воду и сдала полиции.

— Да? Если не ты, тогда кто его убил? — задумалась Алина.

Я фыркнула, возмущенная такой постановкой вопроса. Хотя, надо признаться, мне тоже было любопытно знать, кто и за что прикончил гуру.

Были у меня на этот счет некоторые соображения. Например, если мне пришло в голову, что Артур — аферист и подбирается к Алининым денежкам, то та же мысль могла прийти в голову родственника или близкого человека одного из тех, кто вместе с моей подругой занимался йогой.

Я уже открыла рот, чтобы поделиться с Алиной своими мыслями, но увидела входящего в «Пилигрим» Воронкова и вовремя прикусила язык. Как хорошо, что я успела подготовить Алину.

Глава 5

— Здравия желаю, Алина Николаевна, — сказал Сергей Петрович, по-свойски усаживаясь на диван рядом с Алиной. — Доброго дня вам не желаю.

— Какой уж он добрый, — пошевелила

губами моя подруга.

— А здоровье вам понадобится, — продолжил Воронков, заинтриговав меня последней фразой. — Особенно в связи с последними событиями. Вы уже в курсе происшествий?

— Да, — вместо Алины ответила я. — Но почему вы говорите о происшествии во множественном числе? Артур погиб. Вы только это имели в виду?

— Неужели вы не в курсе?! Я думал, вы, Марина Владимировна, намерено умолчали, воспользовавшись тем, что первое преступление было совершено в другом районе, а потому дело ведет другой следователь. Признайтесь, на это рассчитывали? Вновь решили взяться за старое?

— Позвольте! — Я выставила ладонь вперед, ограждая себя от новой волны беспочвенных обвинений. Хватит того, что я уже сегодня наслушалась. — О каком преступлении вы говорите?

Наверное, я спросила излишне резко, если Воронков насупился и посмотрел на меня с подозрением:

— Вы что, серьезно не знаете, что в воскресенье в Центральном парке культуры и отдыха нашли Богуну? Он с субботы весел на тополе, как партизан после беседы с немцами.

— Кто такой Богун? В первый раз слышу эту

фамилию!

«Странное дело! Сегодня на меня всех собак вешают», — раздраженно подумала я.

— Что вы сказали? Богуна повесели? Севу? Кто? За что? — похоже, Алина знала, о ком идет речь. Она всплеснула руками и прикрыла ладонью рот, чтобы сдержать крик, рвавшийся из ее груди. — О господи, что происходит?

— Вот это я и хочу выяснить. В связи с этим можно вам, Алина Николаевна, задать несколько вопросов?

— Подождите вы со своими вопросами, — пресекла я попытку Воронкова обойти меня на повороте. — Алина, объясни, кто такой Богун?

— Богун? Сева Богун тоже занимался у Артура. Был одним из первых его учеников. Собственно, Артур пришел в наш фитнес-центр не один, а с несколькими учениками, среди которых был Богун. Так вот, на прошлом занятии его не было. Я спросила у Артура, почему сегодня отсутствует Сева. Он мне ответил, что не знает. Обычно Богун никогда не пропускал занятия и, если не мог прийти, всегда предупреждал.

— Предупреждал? Зачем? — удивился Воронков.

Удивилась и я. Абонемент в фитнес-центр покупается на месяц вперед. Если ты пропустил занятие, это твои проблемы: деньги тебе никто

возвращать не станет.

— Последнее время у Артура болели суставы и связки. Сева мог подменить учителя, сам провести занятие.

— Понятно, — Алинин ответ удовлетворил Воронкова. — А Артур делился с Севой своей зарплатой?

— Ну что вы! Сева бы не взял денег! — возмутилась Алина.

Меня почему-то вопрос Воронкова не шокировал. «Студия красивого тела» — один из дорогих фитнес-центров. Если ты провел там занятие, то заплатить должны тебе, а не стоящему рядом Ковалеву.

Алина имела иное мнение:

— Каждый из нас был бы рад оказать учителю услугу. Людям надо помогать.

— Вот как? Но вы ведь за занятия платили?

— Да, столько же, сколько я платила бы, занимаясь аэробикой или занимаясь на тренажерах.

— Хорошо. А теперь расскажите, что за человек был Ковалев.

Алина словно засветилась изнутри:

— Артур был мудрый, искренний, открытый. Его интересно было слушать. Он так доходчиво все объяснял. Познакомившись с ним, я поняла, что живу не так — бессмысленно, даже глупо. У меня не было цели, я не знала куда иду, не чувствовала

своего предназначения. А он... он раскрыл мне глаза...

«О, ее опять начало клинить, — с состраданием глядя на подругу, подумала я. — Сейчас начнет рассказывать Воронкову о цепочке возродений, об идее тождества между бытием и страданием, о способах, как подправить карму, чтобы достичь «хорошего перерождения».

По мере того как Алина говорила, глаза Воронкова сначала стали круглыми, потом превратились в овалы, вытянувшиеся вертикально. Несколько раз он переводил взгляд на меня, как бы спрашивая: с моей подругой все в порядке? Я слегка пожимала плечами: мол, сие одному богу известно, а я тоже за нее волнуюсь.

— Успокойтесь, пожалуйста, Алина Николаевна, — Воронков в несвойственной ему деликатной манере прервал Алину, когда та, захлебываясь от восторга, стала рассказывать ему о том счастье, которое ждет всех прошедших цепь перерождений и достигших нирваны. — Я все понял, не надо так волноваться. Всеволод Богун тоже разделял точку зрения Ковалева?

— Он был его приемником в нашем узком кругу единомышленников.

— А вы можете мне перечислить фамилии тех, кто посещал занятия Ковалева? Возможно, этим людям тоже угрожает опасность. Странно, что

в течение двух суток убит и учитель, и его приемник, не так ли? А если кто-то специально истребляет последователей Ковалева? — как будто размышлял вслух Воронков.

«Пугает, — догадалась я. — Чтобы мы не лезли в расследование. Хитер! По большому счету, кому нужны эти новоявленные брахманы — Алина и ей подобные? Тут дело в другом. Хотели обезглавить организацию — и обезглавили. Организацию? Да нет, это я загнула. Хотя... Надо бы Алину расспросить об Артуре и этом Богуне. Возможно, эти два убийства не связаны с древней религией. Или связаны? А вдруг Богун сам повесился? Скажем, по личным причинам. Вряд ли. Будь это самоубийство, Воронков не стал бы акцентировать на нем внимание».

— Сергей Петрович, а Всеволод Богун не сам ли решил с жизнью расстаться? — спросила я в тот момент, когда Алина сосредоточенно выводила на бумаге фамилии своих приятелей-йогов.

Воронков недовольно на меня посмотрел и достаточно резко ответил:

— Он мог совершить суицид, а возможно кто-то хотел, чтобы...

Мне показалось, он осознал, что сболтнул лишнее и потому занервничал.

— То есть кто-то мог принудить его к самоубийству? — попыталась догадаться я.

— Всяко бывает, — последовал расплывчатый ответ. — Что там у нас со списком?

Алина дописала список учеников Ковалева и передала его майору. Тот взял в руки листок и, пробежав взглядом по фамилиям, спросил:

— Отчество не знаете? Где кто живет — тоже?

«И это спрашивает полицейский, — мысленно возмутилась я подходу Воронкова к делу. — Где же полицейская база данных? Он бы еще в адресное бюро обратился».

— Нет, — Алина мотнула головой. — Мы, как вы понимаете, собирались в неформальной обстановке. Какие отчества и адреса? Но вы можете подъехать в фитнес-центр: завтра в восемь утра у нас должно было состояться очередное занятие.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил Воронков и, сославшись на неотложные дела, как по мановению волшебной палочки испарился из «Пилигрима».

Как только за майором захлопнулась дверь, Алина тут же подбежала к окну. Проверив, что Воронков действительно уехал, она вернулась ко мне:

— Пошли в кабинет. Мне есть что тебе сказать. Есть план.

Мы переместились в кабинет. Алина плотно прикрыла за собой дверь, опасаясь, как бы Алена, наша любопытная секретарша, не оказалась в курсе

событий. Не могу сказать, что Алене мы не доверяем. Мы ее любим, ценим и доверяем все, что касается производственных вопросов. А вот наши частные расследования — это для нее табу — для ее же пользы. Меньше знаешь — спишь спокойнее. Не ровен час, в агентство вновь заглянет Воронков. А этот без особых проблем развязывает языки даже покойникам. Стоит ему посмотреть на Алену своим ментовским суровым взглядом, и она тут же, будучи в предобморочном состоянии, выкладывает все, что ей известно о наших с Алиной планах и передвижениях.

Алина подошла к своему столу, вытянула нижний ящик, в котором обычно хранила разную чепуху, и достала со дна папочку.

— Что это? — спросила я, беря в руки синюю обложку.

— Фамилии всех, кого я собиралась взять в Гималаи. Это и есть список нашей группы, с которой занимался Артур Ковалев. Здесь все: полные имена, паспортные данные, адреса.

— Так, понятно, — протянула я, вчитываясь в недлинный список, состоявший всего из двенадцати фамилий. — Почему не отдала этот список Воронкову, не спрашиваю. Хотела обойти майора на повороте?

— Нет, — замотала головой Алина. — Это нормальные люди. Многие из них занимают

высокие посты. Ни к чему им общаться с полицией. Станут проверять, перепроверять, козлов отпущения искать. Окружающие косо начнут смотреть: всем же не объяснишь, зачем к тебе менты нагрянули. Первое, что подумают: «Нет дыма без огня». Что ни говори, а общение с полицией рейтинг не повышает.

— Да? А если эти нормальные люди, как ты говоришь, действительно в опасности? — я вдруг пошла на попятный. — Вдруг майор прав: идет охота на любителей йоги?

— Да ладно! Не говори, что ты испугалась за меня. Если даже это так, то лучше нас никто не распутает это дело. Я лично знала и Артура, и Севу — мне и карты в руки. Или ты хочешь уйти в сторону? — спросила Алина, глядя в мои глаза.

Некоторое время я не отвечала, думала, собиралась с мыслями. В эти минуты я не отводила взгляда от Алининого лица. Она была неестественно бледна, выглядела уставшей и потерянной, но никакого безумия в ее глазах я не заметила.

— Алина, скажи, а твой гуру действительно такой бескорыстный, каким казался?

Наверное, мне не следовало задавать этот вопрос. Мы знакомы с раннего детства. Кто-кто, а я с полной уверенностью могу заявить, что знаю ее как облупленную. Она особа увлекающаяся, с

богатой фантазией, авантюристка даже, но что касается денег — свою копейку не отдаст никому. Как только она чувствует, что подбираются к ее кошельку, раскручивают на незапланированные траты или попросту занимаются вымогательством, она делает резкий скачок в сторону и прикидывается глухонемой.

Один единственный раз ее облапошили: под видом съемочной группы в ее квартиру пробрались грабители. Алина сама отдала им дорогую бытовую технику, норковую шубу, а также ключи от машины, в которую воры загрузили все, что им удалось вынести из дома. Этот случай вписался в схему «и на старуху бывает проруха» и послужил ей уроком на всю жизнь. Трудно представить, что после всего этого она могла еще раз попасться на крючок вымогателя.

Алина, не замедлив, ответила:

— Я же тебе говорила: платила только за абонемент и ни копейки больше. Более того, я предложила оплатить Артуру авиабилет, но он отказался, сказал, что деньги на поездку достанет.

— Значит, в данный момент у него денег не было?

— Я не знаю. Мы никогда не обсуждали материальные проблемы. Да, собственно, ни у кого из нашей группы материальных проблем не было. К тому же Артур призывал довольствоваться малым.

— Да, жилище у него и впрямь выглядело как пещера аскета. Ничего лишнего! Продавленный диван, трехдверный шкаф да стол, который вполне мог сохраниться со времен гражданской войны. Если вспомнить, что политех один из старейших вузов страны, то такое вполне возможно. А что собой представлял Вячеслав Богун?

— Что представлял? Трудно сказать. Сева вообще редко рот открывал, во всяком случае при мне. В последнее время часто подменял Артура. Если сравнивать занятия, которые проводил Сева, то они сильно отличались от занятий Артура. Артур все сводил на религию, он как будто жил в двух параллельных мирах, иногда даже заговаривал с нами на хинди. Мы, конечно, ничего не понимали. Тогда Артур, заметив свою оплошность, переводил сказанное на русский язык. Богун же все асаны делал молча, иногда объяснял технику исполнения, но не более того. Он вообще был замкнутым парнем.

— Ты сказала, что Артур знал хинди. Откуда?

— Думаю, сам выучил этот язык. Но в Индии точно не был и страстно хотел попасть туда. Извини, Марина, мне очень хотелось ему помочь. Он был славным парнем, так здорово рассказывал об Индии, что заразил нас своей любовью к этой стране. И вот я подумала: а почему бы нам не слетать туда? Сумасшедшая идея? Только на

первый взгляд. Я убивала двух зайцев. Эта поездка могла стать подарком Артуру. Мою душу радовало, что я могу подарить человеку мечту. А это такое приятно ощущение: быть волшебником. Конечно, я немного лукавила, — Алина тихонько вздохнула и плутовато на меня посмотрела. По ее взгляду я поняла — подарок Артуру делался за чужой счет. Ее последующие слова меня ничуть не удивили. — Сама я бы не потратила ни копейки. В группе у нас занимаются люди небедные, многие по три раза в год на экзотические острова летают. Я не прогадала, мое предложение было принято на ура. На общем собрании было решено ехать всем вместе. Я подсчитала, что если предложить Артуру роль гида, то можно будет значительно сэкономить. Я даже хотела с него денег не брать вообще, но он наотрез отказался.

— Стоп! Я совсем с тобой запуталась. Если бы ты пригласила его в качестве гида, тогда мы должны были бы оплатить ему проезд, командировочные и услуги экскурсовода.

— Правильно, — кивнула Алина.

— Но Артур заплатил бы за поездку, а ты не дала бы ему ни копейки за услуги гида? Какой же это подарок? Ты делала подарок себе! — хмыкнула я.

— Агентству, — поправила меня Алина. — Но и Артуру тоже, конечно. Я все равно продала бы

ему путевку по льготной цене. Без меня он бы никогда не попал в Индию.

— Он и так туда не попал, — пробурчала я. — Не по твоей вине, конечно. Подожди, если тобой двигал материальный расчет, то как ты тогда относишься ко всему тому, что вам втолковывал Артур?

— А что? Брахманизм — религия как религия. А вдруг действительно человек, умирая, обретает новую жизнь? Что мне нравится в этой религии, так это то, что все можно исправить. Допустим, человек совершил неблагоприятный поступок, изрядно подпортил карму. Ему дается шанс исправить положение. Достаточно чистосердечно покаяться, совершить ряд обрядов, прочитать заклинание — и с твоей кармой все в порядке, тебя ждет хорошее перерождение. Почему не подстраховаться?

— Узнаю свою подругу, — удовлетворенно отметила я. — А как же ты собиралась доверить роль экскурсовода Артуру, если он никогда не был в Индии?

— Эка печаль! Я бы заказала экскурсионный автобус. Водитель бы возил по достопримечательностям, а Артур рассказывал бы разные истории, вычитанные из книг.

— Но если у тебя практически уже была скомплектована группа, зачем ты побежала на телевидение давать рекламу?

— Двенадцать человек все-таки мало, — Алина скривилась от одной мысли, что выгода могла бы быть больше, а она все упустила. — Разве нам помешал бы десяток-другой туристов?

— Никто не спорит, — не стала я возражать, только спросила: — Как же ты будешь говорить людям, что поездка не состоится?

— А так и скажу: Артур умер, Гималаи отменяются. Кстати, завтра они начнут приходить с деньгами. Ты сможешь на них посмотреть. Если кого-то из них смерть Артура не огорчит, предложи им маршрут в другую экзотическую страну. Последнее время страны Юго-Восточной Азии особенно в ходу.

— Тогда до завтра. Побегу домой, что-то у меня на душе беспокойно. Сегодня утром мы с Аней проспали. На контрольную она опоздала. Я обещала поговорить с англичанкой, да так и не поговорила. Учительницу вызвал директор школы. Я ушла, а теперь жалею, что не дождалась.

Я поспешила домой. Аня встретила меня с сияющей мордахой.

— Контрольная была?

— Какая там контрольная! Не до того было, — отмахнулась от меня дочь и тут же выдала новость: — А у нас в классе новый мальчик.

— Здорово. Хороший?

— Ну как тебе сказать, — замялась Аня. —

Но, думаю, нашему классу с ним повезло!

— Почему ты так решила?

— А знаешь, кто у него папа? Радомский!

Аня назвала фамилию, которую в нашем городе знали все. О главе этого семейства ходили легенды. Анюта по детской наивности восприняла появление Радомского-младшего с восторгом, а вот я испугалась. Бывает, конечно, и в царственных семьях растут скромные и воспитанные дети, но это не тот случай. Мальчик сменил не одну частную школу, и ни в одной из них к нему не могли найти подход. И вот теперь сыночек оказался в самой обычной школе, среди самых обычных детей. Как такое могло случиться?

— Аня, это какой Радомский?

— Да тот самый Радомский, а это его сын Паша. Теперь у нас всех будут самые высокие показатели по школе. Да что там по школе?! В районе, в городе не будет класса с таким количеством пятерок. Оказывается, еще утром наш класс предупредили, что придет новенький, сын большой «шишки». Когда нашу учительницу Татьяну Ивановну вызвал к себе директор, Дима Кусков побежал следом, чтобы подслушать их разговор. Вернулся в шоке. Сын Радомского! Повезло, братцы! Петр Игнатьевич так нашей учительнице и сказал: «Отношение к Павлу должно быть демократичное, оценок ему не завышать, но и

чтоб последним учеником он не был». Вернулась Татьяна Ивановна уже с Пашей. Представила его нам. Место он выбрал сам — Мошкину пришлось пересесть на другую парту. Начался опрос по пройденной теме. Вызвали Пашу. Дуб дубом. Если бы кто-то из нас вчера так ответил, двойку бы получил только так. Татьяна Ивановна стала задавать ему наводящие вопросы. Что-то невпопад Паше все-таки удалось ответить. Сколько ты думаешь, ему поставила Татьяна? Хорошо! Когда ему в журнал оценку ставила, у нее рука тряслась — не мало ли? Потом нас стала спрашивать. Тут уж ей совесть не позволила поставить нам плохие оценки. Практически у всех высший бал. Один только Мохов за компанию с Пашей получил аналогичную оценку. Но что с него взять? Для него тройка — подарок судьбы. Представляешь, если Петр Игнатьевич со всеми учителями переговорил, какая у нас житуха начнется?

— Плакать от такой перспективы надо, — покачала я головой.

— Не переживай очень-то, Паша у нас только до весны останется, а потом его папа в Англию на учебу отправит.

— Не думаю, что он там надолго задержится. В Англии учеба — дорогое удовольствие, но бездельников там ни за какие деньги держать не будут.